

ПРИЗРАК И ФОРТУНА

СТРАХОВИНСКАЯ ИСТОРИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Кровь на улицах
Слава в смерти
Вниз к Бородатой леди*

- 1 -

«Мясницкие ножи» за челюсть подвесили члена «Галок» на ржавую свайку, и оставили прибрежным падальщикам. Это был уже семнадцатый убитый бандит, которого увидел за сегодняшнюю ночь человек в капюшоне.

Тихая ночь по меркам Билджвотера.

По крайней мере, с тех пор, как пал Король пиратов.

Портовые крысы с красными зубами уже обглодали большую часть ступней повешенного и забрались на сваленные в кучу корзины для рыбы, чтобы добраться до сочного мяса на икрах ног.

Человек в капюшоне прошел мимо.

— Помоги... мне...

Голос был слаб, слова словно намокли от крови, заполнявшей глотку. Мужчина в капюшоне крутанулся на месте, его руки потянулись к подвешенному на широком ремне оружию.

Невероятно, но галка был еще жив. Ножи загнали свайку, на которой он висел, глубоко в деревянную раму погрузочного крана. Снять оттуда галку, не раскроив при этом ему череп, было невозможно.

— Помоги... — повторил он.

Человек в капюшоне помедлил, раздумывая над просьбой.

- 2 -

— Зачем? — произнес он наконец. — Даже если я спущу тебя, к утру ты все равно будешь мертв.

Медленно дотянувшись до потайного кармана в лоскутном колете, галка достал золотой кракен. Даже при тусклом свете, мужчина в капюшоне видел, что монета настоящая.

При его приближении падальщики зашипели и ощетинились. Портовые крысы не отличались размером, но тепкое мясо — это не та добыча, от которой легко отказываются. Они обнажили длинные, похожие на иглы клыки, брызжа зараженной слюной.

Одну крысу он отбросил ногой в воду. Вторую — раздавил. Крысы бросались и кусались, но благодаря ловким и точным движениям ног, ни одной не удалось попробовать его мясо на вкус. Еще три крысы пали убитыми, прежде чем остальные разбежались и попрятались по углам, злобно посверкивая красными глазами из темноты.

Человек в капюшоне встал позади галки. Лицо было видно смутно, но и слабого лунного света хватало, чтобы понять, что улыбки на нем не было уже давно.

— Смерть пришла за тобой, — произнес он. — Прими ее и будь спокоен: я позабочусь, чтобы она была окончательной.

Мужчина достал из-под полы плаща блестящий серебряный клинок — длиной около двух пядей и покрытый витиеватыми письменами — узкий, как шило, каким пользуются кожевники. Он подставил острие под подбородок умирающего.

Глаза того расширились, несчастный ухватился за рукав человека в капюшоне, который смотрел на океанский простор. Вода походила на черное зеркало, в котором - преломленный треснувшими стеклами старых кораблей - отражался свет множества свечей, жаровен и светильников.

— Вы знаете, что таится за горизонтом, — проговорил человек в капюшоне. — Вы знаете, какой ужас оно несет. И все равно — вы бросаетесь друг на друга, как бешеные звери. Мне этого не понять.

Он покачал головой, и, ударив основанием ладони по тупой стороне клинка, вбил острие прямо в мозг галки. Последняя судорога прошла по телу, и страдания его прекратились. Золотая монета выскользнула из пальцев мертвеца, покатилась и с тихим всплеском упала в море.

Человек в капюшоне высвободил клинок, протер его о драную рубаху галки и убрал в ножны под полый плаща. Затем достал золотую иглу и серебряную нить, освященные в ионийском источнике.

Со сноровкой человека, совершавшего подобное бесчисленное количество раз, он зашил глаза и рот мертвеца. За работой, он повторял слова, которым его научили вечность назад — темные слова, произнесенные давно умершим королем.

— Теперь мертвые не заберут тебя, — сказал он, закончив свой труд и собрав свои инструменты.

— Может, и нет, но с пустыми руками мы не уйдем, это верняк, — раздался голос позади мужчины в капюшоне.

Тот обернулся и снял капюшон, открыв лицо с благородными скулами. Кожа его грубостью и цветом напоминала красное дерево, длинные темные волосы были собраны в косички. Глаза, повидавшие запредельный ужас, спокойно рассматривали незнакомцев.

Шестеро мужчин, одетых в кожаные, покрытые свернувшейся кровью передники, с жилистыми и мускулистыми руками, на которых были вытатуированы шипы. У каждого по зазубренному крюку и по ремню с набором мясницких ножей. Мелкие головорезы, расхрабрившиеся, когда пал тиран, державший Билджвотер в узде. С его смертью город погрузился в хаос, и соперничающие друг с другом банды начали войну за новые территории.

Они не таились. Подбитые гвоздями ботинки, трупное зловоние и глухие проклятия возвещали о них задолго до появления.

— Я не против, что монета отправилась к Бородатой леди, это верняк, — сказал самый здоровый из мясницких ножей, мужик с настолько огромным брюхом, что было непонятно, как он вообще мог подобраться к туше, чтобы ее разделать. — Но старину

Джона прикончил один из нас, все по-честноку, это верняк. Так что та золотая змея причиталась нам.

— Хочешь умереть здесь? — спросил мужчина.

Толстяк засмеялся.

— Да ты знаешь, с кем разговариваешь?

— Нет. А ты?

— Давай, расскажи. Я выбью твое имя на камне, с которым утоплю то, что останется от твоей туши.

— Меня зовут Люциан, — ответил тот, откидывая полы плаща и доставая пару пистолетов из камня и металлов, неизвестных даже самым искушенным алхимикам Зауна. Луч яркого света сбил толстого ножа с ног, оставив обгорелую дыру на месте его гигантского раздувшегося сердца.

Второй пистолет Люциана, маленький и изящный, выпустил струю желтого огня, которая рассекла еще одного ножа от ключиц до паха.

Как портовые крысы незадолго до этого, ножи бросились врассыпную, но Люциан уложил их, одного за другим. Каждая вспышка света была смертельным выстрелом; и в мгновение ока все шестеро были мертвы.

Он вернул пистолеты в кобуры и запахнул плащ. Шум и ярость произошедшего могли привлечь новых негодяев, и у него не было времени спасти души этих людей от грядущего.

Люциан вздохнул. Ему не следовало останавливаться ради этого галки. Но, может быть, тот, кем он прежде был, еще не совсем потерян. Нахлынули воспоминания, и он потрянул головой.

— Я не могу вновь стать им, — произнес Люциан.

Он недостаточно силен, чтобы убить Стража цепей.

- II -

Ледяная кольчуга Олафа была заляпана кровью и ошметками плоти; он рычал, размахивая топором, который сжимал в одной руке. Кости разлетались в щепки, мышцы разделялись под ударами оружия, лезвие которого было закалено Истинным льдом в сердце Фрельйорда.

С шипящим факелом в другой руке он пробирался сквозь внутренности ужасного кракензмея, углубляясь все дальше с каждым взмахом. Ему потребовалось три часа, чтобы добраться сюда сквозь громадные блестящие органы и твердые кости.

Да, монстр был уже мертв, неделю назад его сразили после целого месяца погони с севера. Более тридцати гарпунов, запущенных сильными руками с палубы «Поцелуя зимы» пробили его чешуйчатую шкуру, но именно копье Олафа оборвало его жизнь.

Схватка с чудовищем в самом сердце бушующего близ Билджвотера шторма была увлекательным занятием, и в какой-то момент — когда корабль опрокинулся, и Олафа чуть не зашвырнуло в глотку монстра — фрельйордец подумал, что он наконец-то смог найти долгожданную славную смерть.

Но кормчий Сварфелл, будь проклято его могучее плечо, совладал с рулем и выровнял корабль.

Увы, Олаф выжил. Еще на день приблизившись к ужасной участи седобородого старика, умирающего в собственной постели.

Они причалили в Билджвотере, рассчитывая продать тушу, предварительно избавив ее от самых ценных частей: огромных зубов, черной крови, которую можно было жечь вместо масла, и гигантских ребер, способных послужить каркасом крыши для усадьбы его матери.

Его соплеменники, устав от охоты, изможденные, спали на борту «Поцелуя зимы», но нетерпеливый Олаф не стал отдыхать. Вместо этого он взял свой сверкающий топор и принялся расчленять тушу исполинского монстра.

- 6 -

Наконец он добрался до внутренней пасти чудовища. Ребристый пищевод был достаточно велик, чтобы проглотить целое племя или сокрушить тридцативесельный лонгривер одним ударом. Клыки — будто выточены из обсидиановых валунов.

Олаф кивнул. Отлично. Подойдет, чтобы огородить костер от призраков и гадателей по костям и пеплу.

Он воткнул шипастое основание факела в плоть кракензмея и приступил к делу, врубаясь топором в челюсть, пока зуб не начал шататься. Повесив топор на пояс, Олаф поднял зуб, закинул на плечо и закричал под его тяжестью.

— Как морозный тролль, который собирает лед для своего жилища, — пробурчал он, выбираясь из утробы монстра, по колено в крови и едком желудочном соке.

Наконец он вылез из огромной раны в спине кракензмея и глубоко вдохнул чуть более свежий воздух. Даже в сравнении с нутром чудовища Билджвотер был той еще смесью запахов дыма, пота и разнообразной гниющей падали. У него был тяжелый запах места, где живет слишком много людей, скученных, как свиньи в навозной луже.

Он смачно сплюнул и проворчал:

— Чем быстрее я вернусь на север, тем лучше.

Морозный воздух Фрельйорда пробирал до костей. А здесь каждый вдох на вкус был как испорченное молоко или сгнившее мясо.

— Эй! — пронесся над водой чей-то возглас.

Олаф прищурился, чтобы разглядеть что-нибудь в густом сумраке, и увидел одинокого рыбака, гребущего в море за линией бакенов, увешанных мертвыми птицами и колокольчиками.

— Эта тварь тебя только что высрала что ли? — крикнул рыбак.

Олаф кивнул:

— У меня не было денег, чтобы заплатить за корабль, так что я позволил ему проглотить меня у Фрельйорда и привезти на юг.

Рыбак ухмыльнулся и отпил из треснувшей синей бутылки.

— Я бы послушал эту байку, правда!

— Швартайся к «Поцелую зимы» и спроси Олафа. Разопьем бочонок гравэля и почтим память зверя песнями.

- III -

В районе Белой пристани обычно пахнет птичьим пометом и гнилой рыбой. Сегодня же оттуда несло паленым мясом и дымом. Этот аромат поведал Мисс Фортуне, что еще несколько бандитов Гангпланка расстались со своими никчемными жизнями. Небо потемнело от пепла, вонь двигалась к западу от Кровавых доков, в которых стояли горящие бочки с топленным жиром морской твари. Во рту Мисс Фортуны был неприятный привкус, и она сплюнула на горбыли, из которых была сколочена пристань. За последние годы отсюда сбросили не одну тысячу трупов, так что водную гладь покрывала мерзкая пена.

— У тебя и твоих людей была та еще ночка, — кивнула она в сторону дыма, поднимающегося от скал на западе.

— Точно, — согласился Рафен. — И еще много ребят Гангпланка не доживут до завтра.

— Сколько у тебя? — спросила Мисс Фортуна.

— Еще десять парней с Утеса, — сказал Рафен. — И «Кладбищенские босяки» нас тоже больше не побеспокоят.

Мисс Фортуна одобрительно кивнула и обернулась к украшенной бронзовой пушке, лежащей на пристани.

В стволе пушки лежал Бирн Складной Нож; пуля в конце концов настигла его — в тот самый день, когда все изменилось, в день, когда «Тихий омут» пошел ко дну на глазах всего Билджвотера.

Пуля, которая предназначалась ей.

Пора Бирну пойти ко дну вместе с другими мертвецами, и она обязана при этом присутствовать. Около двух сотен мужчин и женщин пришли попрощаться: ее команда,

члены старой банды Бирна и незнакомцы — то ли его бывшие соратники, то ли обычные зеваки, желающие посмотреть на женщину, сразившую Гангпланка.

Бирн рассказывал, что когда-то у него был свой корабль, двухмачтовая бригантина, которая наводила ужас на все ноксианское побережье. Ей приходилось верить ему на слово. Может, правда; может, нет. Впрочем, в Билджвотере правда чаще оказывалась более странной, чем байки, на которые так щедры здешние моряки.

— Вижу, у тебя получилось натравить их друг на друга и в Кровавых доках, — сказала Мисс Фортуна, смахивая частички пепла с лацканов. Ее длинные рыжие волосы выбивались из-под треуголки и рассыпались по плечам парадного сюртука.

— Ага, не так-то трудно было столкнуть «Псов Крысятника» и «Королей пристани», — ответил Рафен. — Вен Галлар всегда засматривался на тот клочок территории. Утверждал, что ребята Травина отобрали его у его старика лет десять назад.

— Правда?

— Как знать? — сказал Рафен. — Да и неважно. Галлар скажет что угодно, лишь бы получить контроль над той частью доков. Я просто помог ему.

— Не то чтобы там было что контролировать.

— Да уж, — согласился Рафен, ухмыльнувшись. — Они поубивали друг друга к черту. Не думаю, что в ближайшее время кто-нибудь из них потревожит нас.

— Еще одна такая неделя, и людей Гангпланка вообще не останется в живых.

Рафен странно посмотрел на нее, но Мисс Фортуна притворилась, что не заметила.

— Давай, пора отправить Бирна на дно, — сказала она.

Они приблизились к пушке, приготовившись скатить ее в море. Лес бакенов торчал из пенной поверхности воды, знаки на них были самые разные: от простых дисков до детальных скульптур морских змеев.

— Кто-то хочет что-нибудь сказать? — спросила Мисс Фортуна.

Никто не хотел, и она кивнула Рафену, но прежде, чем они успели столкнуть пушку в воду, громогласный голос прокатился по пристани.

— Я скажу.

Мисс Фортуна обернулась и увидела, что к ним приближается огромная женщина, облаченная в пышное цветастое одеяние. Ее сопровождала группа татуированных мужчин; дюжина молодых парней с зазубренными копьями, пистолетами и крючковатыми дубинами. Всей своей внешностью они демонстрировали, насколько горды собой. Они стояли рядом со своей жрицей с таким видом, словно все доки принадлежали им.

— Седьмая преисподняя, а *она* что здесь делает?

— Иллаой знала Бирна?

— Нет. Но она знает меня, — сказала Мисс Фортуна. — Я слышала, что у нее с Гангпланком... *Понимаешь?*

— Серьезно?

— Так брешут.

— Во имя Бородатой леди! Понятно, почему люди Окао так доставали нас последние несколько недель.

Иллаой несла тяжелую каменную сферу, на вид весившую не меньше якоря «Сирены». Громадная жрица таскала ее с собой везде, и Мисс Фортуна полагала, что это был некий тотем. То, что все остальные называли Бородатой леди, они именовали чем-то совершенно непроизносимым.

Иллаой откуда-то достала очищенный манго и откусила от него. Она шумно жевала фрукт с открытым ртом, посматривая на ствол пушки.

— Человек из Билджвотера заслуживает благословения Нагакейборос, не так ли?

— Почему нет? — произнесла Мисс Фортуна. — В конце концов, он отправляется на дно на встречу с богиней.

— Нагакейборос живет не в глубинах, — ответила Иллаой. — Только глупые *пайланги* так думают. Нагакейборос во всем, что мы делаем, во всем, что движет нас по нашему пути.

— Ну да, какая я глупая, — произнесла Мисс Фортуна.

Иллаой выплюнула волокнистую косточку манго в воду и крутанула каменного идола вокруг, как гигантское пушечное ядро, остановив его прямо перед Мисс Фортуной.

— Ты *не* глупая, Сара, — усмехнулась Иллаой. — Но ты даже не знаешь, кто ты и что ты наделала.

— Зачем ты пришла, Иллаой? Это из-за *него*?

— Ха! Ни капли, — фыркнула Иллаой. — Я живу ради Нагакейборос. Божественное или людское? Разве тут есть выбор?

— Ни малейшего, — ответила Мисс Фортуна. — К несчастью для Гангпланка.

Иллаой ухмыльнулась, оскалив рот, набитый мякотью манго.

— Ты не ошибаешься, — произнесла она, медленно кивнув, — но по-прежнему не слышишь. Когда снимаешь мурену с крюка, нужно оторвать ей башку и уйти раньше, чем она вопьется в тебя своими клыками. А не то от тебя не останется и воспоминаний.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Навести меня, когда поймешь, — ответила Иллаой и протянула руку. На ладони лежала подвеска из розового коралла: несколько волн расходились от чего-то, напоминающего глаз.

— Возьми, — сказала Иллаой.

— Что это?

— Знак Нагакейборос, который покажет дорогу, когда ты собьешься с пути.

— А на самом деле?

— Только то, что я сказала.

Мисс Фортуна колебалась, но вокруг было слишком много людей, чтобы открыто оскорбить жрицу Бородатой леди отказом от подарка. Она взяла подвеску и сняла треуголку, чтобы надеть на шею кожаный ремешок. В этот момент Иллаой наклонилась к ней и шепнула:

— Я не думаю, что ты глупая. Докажи, что я права.

— Почему меня должно волновать, что ты думаешь? — спросила Мисс Фортуна.

— Потому что буря близко, — Иллаой кивнула на что-то за плечом Мисс Фортуны. — Ты знаешь, каково это, так что приготовься встретить волну.

Она развернулась и столкнула пушку с Бирном. Та с шумом плюхнулась в воду и ушла ко дну раньше, чем поверхность водного кладбища вновь подернулась жирной пеной. На воде остался покачиваться крестообразный бакен — единственное напоминание о том, кто покоится внизу.

Жрица Бородатой леди отправилась туда, откуда пришла, в сторону своего храма в углублении в скалах, а Мисс Фортуна уставилась на море.

Буря бесновалась далеко над открытым океаном, но Иллаой указывала в другом направлении.

Ее взгляд был обращен к Сумрачным островам.

- IV -

Никто никогда не рыбачил у Билджвотера по ночам.

И Пит, конечно же, знал почему — он плавал по этим водам всю свою жизнь. Течения здесь подлые, камни, грозящие раскрыть дно, прячутся под самой поверхностью, а морское дно заполнено остовами кораблей, чьи капитаны были недостаточно уважительны к морю. Но что еще более важно — одинокие духи утопших всегда жаждали компании.

Пит все это знал. Тем не менее семью-то нужно кормить.

Когда от корабля капитана Иеримиада, попавшего под перекрестный огонь между Гангпланком и Мисс Фортуной, остались одни только угольки, Пит лишился и работы, и денег, чтобы платить за еду.

Он выпил полбутылки «Пугливого сидра», просто чтобы набраться смелости отчалить в ночи, а перспектива разделить выпивку с гигантом-фрельйордцем укрепила его решимость.

Пит отхлебнул еще, дернул себя за клок волос на подбородке и вылил немного сидра за борт — для Бородатой леди.

От алкоголя у Пита потеплело на душе, а чувства немного притупились. Он обогнул предупредительные буйки, на которых висели дохлые птицы, и плыл, пока не добрался до того места, где хорошо клевало в прошлый раз. Иеремиад всегда говорил, что у него нюх на места, где хорошо клюет, а сейчас Пит чувствовал, что рыба собралась у остова «Тихого омута».

Он вытащил и сложил весла, перед тем как прикончить содержимое бутылки. Впрочем, один глоток он оставил и зашвырнул бутылку в море. Усталыми руками пропойцы со стажем он насадил на крючки наживку — червей, которых снял с глаз покойника, — и прикрепил леску к выступу на кромке борта.

Затем закрыл глаза и перегнулся через край лодки, опустив обе ладони в воду.

— Нагакейборос, — произнес он в надежде, что имя, которое используют местные, чтобы обращаться к Бородатой леди, принесет ему немного удачи. — Я не прошу о многом. Пожалуйста, помоги несчастному рыбаку, отложи для него пару гостинцев из своих закромов. Присматривай за мной и оберегай меня. А если я умру в твоих объятьях, позволь мне остаться внизу с мертвецами.

Пит открыл глаза.

Бледное лицо уставилось на него из-под воды. Оно светилось холодным безжизненным огнем.

Он закричал и отпрянул назад; лески, одна за другой, натянулись. Лодка закружилась, над водой начали подниматься клубы тумана. Туман густел, и вскоре огни Билджвотера пропали в угольно-темной мгле, внезапно появившейся откуда-то из морских далей.

Дохлые птицы на предупредительных бакенах запели; к их какофонии присоединился оглушительный перезвон колокольчиков, которыми были увешаны качающиеся взад-вперед буйки.

Черный туман...

Пит в ужасе схватился за весла, безуспешно пытаясь вставить их в уключины. Туман был холоден до оцепенения, и от его прикосновений на коже появлялись гангренозно-черные полосы. Он почувствовал, как могильный холод пробежал по спине.

— Бородатая леди, Мать из Глубин, Нагакейборос, — рыдал он. — Пожалуйста, помоги мне добраться до дома. Прошу, молю тебя...

Он не закончил свою мольбу.

Из его груди вырвалась пара цепей с крюками, струи ярко-красной крови побежали по ним. Третий крюк пробил живот, еще один — глотку. Пятый и шестой пробili ладони и приковали Пита к его лодке.

Агония сотрясала его тело; он закричал, видя, как из черного тумана возникает фигура, излучающая чистое зло. Изумрудный огонь исходил от ее рогатого черепа, глазницы которого заполняли мстительные духи, горящие от наслаждения чужой болью.

Призрак был облачен в древние черные одеяния, на боку у него болтались ржавые ключи. В сжатой руке взвыл и качнулся подвешенный на цепи фонарь.

Пит почувствовал, как его душа отделяется от еще теплой плоти, когда стекло адского фонаря открылось, чтобы поглотить его. Вопли страдающих душ донеслись из глубин; бесконечные пытки лишили их всех остатков разума. Пит боролся за свой дух, хотел, чтобы тот остался в теле, но призрачный клинок прочертил воздух, и жизнь несчастного оборвалась, а стекло фонаря захлопнулось.

— Жалкая душа, — сказал убийца; его голос походил на шорох камней на могиле, — но только первая, призванная Трешем в эту ночь.

Черный туман покрылся рябью, силуэты злых духов, воющих приведений и призрачных всадников показались в его глубине.

Тьма бурлила над морем и начала выбираться на сушу.

Фонари Билджвотера гасли один за другим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Какая-то глупость
Красная пелена
Призрак войны*

- I -

Мисс Фортуна зарядила свои пистолеты и положила их на стол рядом с коротким мечом. Истерический звон колоколов и крики, возвещающие об опасности, доносились из города, раскинувшегося внизу. Она знала, что это значит.

Страховин.

Вопреки надвигающейся буре она оставила ставни окон в своей новой вилле открытыми, словно провоцируя мертвецов прийти за ней. Бормотание ветра доносило их голодные завывания, холод от которых пробирал до костей.

Вилла, расположенная на утесе к востоку от Билджвотера, раньше принадлежала одному бандитскому главарю, которого многие ненавидели. В хаосе, начавшемся после падения Гангпланка, его просто выволокли из постели и разбили ему голову, размазав мозги по мостовой.

Теперь вилла принадлежала Мисс Фортуне, и будь она проклята, если позволит сделать с собой то же самое. Она подняла руку и провела кончиками пальцев по волнам подвески, которую Иллаой дала ей на церемонии погружения Бирна. Коралл был теплым на ощупь, и, хотя Мисс Фортуна не разделяла местных верований, безделушка ей нравилась.

Дверь комнаты отворилась. Она отпустила подвеску, и та скользнула меж ее пальцев.

Мисс Фортуна не оборачиваясь поняла, кто это. Только один человек осмелился бы войти, не постучав.

— Что ты делаешь? — спросил Рафен.

— А на что это похоже?

— Похоже, ты собираешься сделать какую-то глупость.

— Глупость? — переспросила Мисс Фортуна, положив руки на стол. — Мы пролили достаточно крови и потеряли достаточно хороших ребят, чтобы победить Гангпланка. И я не собираюсь позволить Страховину просто так...

— Просто так — что?

— Отобрать у меня это место, — она лихо подняла пистолеты и задвинула их в кобуры. — И тебе меня не остановить.

— Мы пришли не за тем, чтобы останавливать тебя.

Мисс Фортуна обернулась и увидела, что Рафен стоит на пороге ее комнаты не один. Группа лучших бойцов ожидала позади; они были вооружены до зубов: мушкеты, колесцовые пистолеты, звенящие связки осколочных бомб и сабли... Казалось, они только что ограбили музей.

— Похоже, и вы собираетесь сделать какую-то глупость, — произнесла она.

— Ну да, — согласился Рафен, подходя к открытому окну и закрывая ставни. — Ты всерьез думала, что мы позволим нашему капитану встретить *такое* в одиночку?

— Я едва не погибла в сражении с Гангпланком, и я еще не закончила. Я не жду, что вы пойдете со мной. Не сегодня, — сказала Мисс Фортуна, подойдя к своим людям и положив руки на резные рукоятки своих пистолетов. — Это не ваша драка.

— Конечно, черт возьми, наша, — ответил Рафен.

Мисс Фортуна вздохнула и кивнула.

— Вполне вероятно, что мы не доживем до утра, — произнесла она, не сумев спрятать улыбку.

— Это не первый Страховин, который мы встречаем вместе, капитан, — сказал Рафен, постучав пальцами по черепу на эфесе меча. — И будь я проклят, если он окажется последним.

- II -

Олаф уже приближался к «Поцелую зимы», когда раздались крики. Сперва он не обратил на них внимания: кого удивишь криками в Билджвотере, — но потом увидел, как мужчины и женщины убегают с пристани, охваченные ужасом. Тогда ему стало любопытно.

Они спрыгивали с лодок и убегали в кривые улочки так быстро, как только могли. Они не оглядывались и не останавливались, даже чтобы помочь товарищам, которые споткнулись или упали в воду.

Олаф и раньше видел, как люди убегают с поля боля, но здесь было что-то другое. Ничем не прикрытый страх. Только на лицах замерзших трупов, которые он видел в ледниках, где, по слухам, жила Ледяная ведьма, отпечатывалось что-то похожее.

По всей пристани шумно захлопывались ставни; странные символы, которые он видел буквально на каждой двери, были щедро припорошены белым. На огромных лебедках поднимали деревянные конструкции из скрепленных друг с другом остовов кораблей.

Он узнал трактирщика, державшего забегаловку, в которой пиво было немногим крепче троллей мочи, и помахал ему.

— Что происходит? — крикнул Олаф.

Трактирщик покачал головой, показал в сторону океана и захлопнул дверь. Олаф поставил зуб кракензмея на камни причала и обернулся, пытаясь понять причину суеты.

Сперва он подумал, что надвигается буря, но то был густой черный морской туман, который приближался плавно и быстро.

— Ах, вот как, — сказал он, отцепляя свой топор от ремня. — Выглядит многообещающе.

Олаф поводил плечами, чтобы расслабить мышцы. Видавшая виды кожаная рукоятка оружия ласкала мозолистые ладони, пока он перекидывал топор из руки в руку.

Черный туман накрыл дальние корабли, и зрачки Олафа расширились, когда он увидел жутких призраков, извивающихся во тьме. Возвышающийся над всеми всадник, вернее, чудовищная химера из человека и боевого коня, вел духов в бой. Рядом с ним передвигался облаченный в черное жнец, окруженный зеленым свечением. Эти повелители мертвых оставили призраков развлекаться на пристани, а сами с дикой скоростью направились в город.

Олафу доводилось слышать, как местные перешептываются о чем-то под названием Страховин, о времени гибели и тьмы. Но он и не надеялся, что ему повезет встретить это время с топором в руке.

Армия мертвых накинута на галеры, торговые и пиратские корабли, вцепляясь когтями и клыками, разрывая их с той же яростью, с какой возбужденные запахом крови медведи рвут свою добычу. Они с легкостью разрывали парусину, крепезные тросы лопались, словно гнилые сухожилия. Лодки сталкивались друг с другом, и тяжелые мачты разлетались в щепки.

Туча воющих духов влетела на «Поцелуй зимы», и Олаф зарычал от гнева, когда лонгривер накренился и развалился, а древесина, из которой он был построен, заледенела в мгновение ока. Корабль утонул так быстро, будто был нагружен камнями, и Олаф увидел, как его товарищей-фрельйордцев тащат на дно существа с трупными конечностями и разодранными рыбьими ртами.

— Олаф заставит вас пожалеть, что вы не остались на том свете! — завопил он и бросился на пристань.

Духи всплывали из океана, выбрасывая ледяные когти в его сторону. Топор Олафа пел, описывая сверкающие дуги в направлении тварей. Мертвецы визжали, когда клинок разрубал их: лезвие, обладающее силой Истинного льда, было смертоноснее любого заклятия.

Они выли, умирая во второй раз, а Олаф пел песню, которую сочинил для своего смертного часа. Слова песни были просты, но ничуть не хуже любой саги, которую

рассказывали странствующие по льдам скальды. Как долго он ждал, чтобы пропеть их? И как часто боялся, что такой шанс ему вообще не представится?

Мерцающий туман, полный щелкающих челюстей, окружил его. Паутинки льда расчертили его кольчугу, смертельные прикосновения ненасытных призраков жгли кожу.

Но могучее сердце Олафа продолжало перегонять кровь в ритме, знакомом только берсеркам. Он не обращал внимания на боль от призрачных прикосновений, чувствуя, как она отступает, а ярость растет.

Алая пена скапливалась в уголках рта из-за того, что он прикусывал себе щеки. Он рычал и крутил топором как сумасшедший, не замечая боли и заботясь только о том, чтобы убивать врагов.

И тот факт, что они уже были мертвы, не имел значения.

Олаф снова занес топор, приготовившись к новому удару, когда позади него раздался оглушительный грохот обрушившихся колон и потолочных балок. Он обернулся, чтобы встретить нового врага. На пристань обрушился град деревянных и каменных обломков. Заостренные осколки изрезали его лицо, а куски камня размером с кулак разбили его руки в кровь. Топленый жир и животные жидкости пролились дождем, и из черного тумана вырвался чудовищный вой.

Затем Олаф увидел нечто.

Дух кракензмея взлетел над Кровавыми доками. Громадный разъяренный монстр вздымал свои призрачные щупальца; они били о землю, словно молнии, выпущенные свирепым богом. Улица за одно мгновение превратилась в руины. Олафа заполнила ярость берсерка: наконец он встретил врага, достойного того, чтобы отдать ему жизнь.

Олаф поднял топор, приветствуя своего убийцу.

— Э-гей, красавчик, — прокричал он и бросился навстречу своей судьбе.

- III -

Настоящая красавица: большие миндалевидные глаза, полные губы, высокие скулы демасийки. Портрет в медальоне был миниатюрным произведением искусства, но он не мог передать всей силы и решительности Сенны.

Он редко смотрел на ее изображение, зная, что боль от этого станет сильнее. Скорбь — это брешь в его обороне. Люциан не мог позволить себе по-настоящему прочувствовать свою потерю, поэтому он закрыл медальон. Нужно было похоронить медальон в той же пещере под скалами, но тогда он просто не смог оставить последнее воспоминание о ней под землей, вместе с ее телом.

Он должен был отречься от своего горя до тех пор, пока Треш не будет уничтожен, а Сенна — отомщена.

Тогда и только тогда Люциан сможет позволить себе оплакать жену и принести жертвы Госпоже в вуали.

Сколько времени прошло с той ужасной ночи?

Он почувствовал, как на него накатывает бескрайнее море печали, и с усилием подавил это чувство, как делал уже много раз. Следуя учению своего ордена, он повторял мантры, которые они с Сенной учили вместе, чтобы отключаться от эмоций. Только так он мог достичь состояния равновесия, в котором был готов встретить невообразимые ужасы.

Боль потихоньку отступала, но не уходила полностью.

Он открыл медальон неохотно — лишь потому, что почувствовал как воспоминания о Сенне ускользают от него. Он понял, что больше не помнит точную форму ее подбородка, мягкость ее кожи, не может ясно вспомнить цвет ее глаз.

Чем дольше продолжалась охота, тем меньше он помнил.

Люциан поднял голову, его дыхание стало более плавным, сердцебиение замедлилось.

Стены пещеры, уходящей в скалы, на которых стоит Билджвотер, состояли из бледного известняка. Вода и кирки местных жителей создали под городом лабиринт, о

существовании которого знали — или хотя бы догадывались — немногие. На стенах были выдолблены спирали, расходящиеся волны и что-то еще, похожее на немигающие глаза.

Он узнал символы, характерные для местного религиозного культа, но кто бы их здесь ни выдолбил, пещеру не посещали уже много лет. Он нашел ее, ведомый секретными знаками собственного ордена — символами, которые указывают путь к убежищу и помощи в любом городе Валорана.

Лишь тусклые отблески света поблескивали на потолке пещеры, но пока Люциан рассматривал спиральные рисунки, с его ладони разливалось мерцающее сияние.

Позволь мне быть твоим щитом.

Взгляд скользнул вниз. Воспоминание о ее словах было столь яркое, будто она стояла рядом с ним.

Медальон пылал зеленым огнем.

Люциан надел цепочку медальона на шею и взялся за свои старинные пистолеты.

— Треш, — прошептал он.

- IV -

Улицы Билджвотера были пусты. От океана все еще доносился звон колокольчиков, а снизу были слышны крики ужаса. Крысятник был полностью покрыт черным туманом, воющий ветер бушевал в опустелом Порт-Морне. На Мосту мясника повсюду горели огни, мерцающий туман цеплялся за скалы над Серым портом.

Люди из благополучных районов города попрятались в домах и молились Бородатой леди о том, чтобы Страховин миновал их и горе пало на каких-нибудь несчастных бедняков.

Оберегающие свечи из амбры горели в каждом окне, подрагивая за стеклами бутылочно-зеленого цвета; на всех дверях, ставнях и приколоченных досках висели горящие корни императрицы темного леса.

— Кто-то действительно верит в императрицу? — спросила Мисс Фортуна.

Рафен пожал плечами. Губы сжаты в тонкую линию, складки вокруг глаз натянуты от напряжения, с которым он высматривал опасности в приближающемся тумане. Из-под рубашки он вытащил точно такой же тлеющий корень.

— Все зависит от того, на что ты полагаешься, а?

Мисс Фортуна вытащила свои пистолеты.

— Я полагаюсь на них и на нас, — ответила она. — Что еще у тебя есть?

— С этим клинком я пережил шесть Страховинов, — сказал он, постучав по черепу на эфесе. — Я предложил Бородатой леди бутылку отличного десятилетнего рома. А когда я покупал этот ножик, продавец утверждал, что это чистейшая солнечная сталь.

Мисс Фортуна бросила взгляд на оружие в ножнах. Даже без взгляда на лезвие было понятно, что Рафена обманули. Отделка гарды была слишком грубой, явно не демасийской. Но она не собиралась рассказывать ему об этом.

— А у тебя? — спросил он.

Мисс Фортуна указала на мешочек с пулями для пистолета.

— Каждая побывала в «Майронском темном», — произнесла она достаточно громко, чтобы вся компания из тридцати людей ее услышала. — Ударим по мертвецам живительным спиртным.

В этом гнетущем мраке было сложно заставить кого-нибудь засмеяться, но она увидела несколько улыбок — в такую ночь на большее она и не рассчитывала.

Она развернулась и поспешила вниз к Билджвотеру, спускаясь по кривым ступеням, вырезанным в скале, пересекая тайные мостики, висящие на полуистлевших канатах, и проходя по забытым аллеям, по которым долгие годы не ступала ничья нога.

Она привела всех на небольшую площадь между плавучими лачугами. Жилища здесь покосились и завалились друг на друга, словно их скрученные карнизы перешептывались между собой. Все фасады представляли собой какую-то мешанину из коряг и морозных узоров, поглощающих перекошенные бревна. Ледяной ветер продувал постройки насквозь, принося плач и крики издалека. Тлеющие жаровни свисали с сотен канатов,

перекинутых между зданиями; пахло странными травами. Лужи были покрыты рябью, в них отражались вещи, которых на самом деле не было.

Обычно здесь находился процветающий рынок, забитый прилавками; тут и там толкались шумные продавцы мяса, разносчики выпивки, торговцы, пираты, охотники за головами и угрюмые моряки со всех концов света. Это место отлично просматривалось практически из любой точки Билджвотера. То, что надо.

Туман цеплялся за каждую щепку.

Фигуры на носках кораблей плакали замерзшими слезами.

Туман и тени сгущались.

— Площадь Карманников? — удивился Рафен. — Как мы здесь оказались? В детстве я промышлял здесь карманными кражами. И я думал, что знаю все входы и выходы, как и полагается приличному вору.

— Не все, — ответила Мисс Фортуна.

Дома с обеих сторон были тихи и темны. Она сдерживала желание посмотреть сквозь хлопающие на ветру рваные полотна, которые были прибиты на окна-иллюминаторы.

— Откуда ты знаешь пути, которых не знаю я?

— Господин Билджвотер и я — одного поля ягоды, — ответила Мисс Фортуна, пристально глядя, как черный туман просачивается на площадь. — Он шепчет мне свои секреты как старой подруге, так что я знаю все закоулки, как никто другой.

Рафен рыкнул, и их отряд занял пустую площадь.

— Что теперь?

— Ждем, — ответила Мисс Фортуна, когда они дошли до центра площади, остро ощущая полное отсутствие прикрытия.

Черный туман зарябил из-за *чего-то*, что шевелилось в его глубинах.

Светящийся призрачным светом череп вынырнул из темноты — без глаз, но с острыми зубами. Его челюсти раскрылись шире, чем возможно в природе, из его глотки вылетел пробирающий до костей вопль.

Пули Мисс Фортуны по обе глазницы, и череп исчез с воплем разочарования. Она завела колесцовые замки на обоих пистолетах, хитроумные механизмы перезарядились.

На мгновение стало совершенно тихо.

Затем черный туман содрогнулся от визга и воплей, с которыми мертвецы хлынули на площадь.

- V -

Уже второй раз за вечер Олаф прорубал себе путь сквозь мертвого кракензмея. Он размахивал топором, как спятивший дровосек, остервенело рубя налево и направо. Бесчисленные конечности твари были бесплотны, как туман, тем не менее его ледяной меч разрубал их, словно они были из плоти.

Щупальца взвились вверх и обрушились на каменную пристань, но Олаф был очень ловок для своих размеров. Медленные не выживают во Фрельйорде. Он откатился, рубанул топором, и отчлененная конечность прекратила свое существование, как только отделилась от туши монстра.

Даже сквозь красную пелену Олаф видел череп этого существа в безумном хаосе призрачных щупалец вокруг.

Глазницы горели огнем разъяренного духа, поддерживавшего в монстре жизнь.

Между ними возникла некая связь.

Душа монстра узнала его.

Олаф радостно засмеялся.

— Ты видишь того, кто забрал твою жизнь; теперь мы связаны и в смерти! — закричал он. — Возможно, если ты убьешь меня, мы будем вечно сражаться в мире далеко за пределами воображения смертных.

Мускулы Олафа налились силой, стоило ему осознать перспективу бесконечной войны против такого могучего противника. Он бросился на чудовище, не обращая никакого

внимания на боль, которую причиняли щупальца кракензмея — а они жалили и обжигали кожу сильнее, чем острый ветер на локфарском берегу.

Он прыгнул, вскинув топор над головой.

И посмотрел своей славной смерти прямо в лицо.

Щупальце метнулось и обвило его бедро.

Описав ошеломительную дугу, оно подняло великана в воздух.

— Давай же! — заревел Олаф, вскидывая топор и приветствуя их общую судьбу. — До смерти!

- VI -

Призрачное создание с острыми когтями и ртом, полным ледяных зубов, выскочило из кружащегося вихря духов. Мисс Фортуна всадила ему в морду пулю, и оно растворилось словно дымок после выстрела.

Еще один выстрел — и еще один дух исчез.

Она хмыкнула, не подавая вида, что ей страшно, и откатилась под прикрытие обветренной статуи Речного царя, чтобы перезарядить пистолеты. Внезапно она изогнулась и чмокнула статую в зубастую ухмылку.

Все зависит от того, на что ты полагаешься.

Боги, пули или ее собственные навыки?

Ухмылка сползла с ее лица, когда один из пистолетов со скрежетом заклинило. Из темных глубин памяти всплыли наставительные слова матери.

— Вот что бывает, когда кто-то другой замешивает для тебя порох, Сара, — сказала она, пряча пистолет в кобуру и вытаскивая из ножен меч. Клинок она добыла в сражении с капитаном демасийского галиота, путешествовавшим к северу от шурымского берега. Настоящее произведение искусства, насколько она могла судить.

Мисс Фортуна выкатилась из укрытия, паля из заряженного пистолета и прорубая мечом путь через толпу туманных существ. Ее выстрел попал в очередного призрака, а меч

словно проходил сквозь плоть и кости. Разве у духов есть хоть что-нибудь материальное, чему можно причинить боль? Вряд ли, но она явно ранила мечом *что-то* внутри них.

У нее не было времени об этом рассуждать, и она подозревала, что все усилия пойдут насмарку, если она потратит время на размышления.

Мужчины и женщины орали. Вопящий сонм мертвых духов заполнял площадь Карманников, они орудовали когтями, которые замораживали кровь, проникали в грудные клетки и наполняли сердца ужасом. Семеро погибли; может, больше. Их вырванные из тел души присоединились к орде безжалостных призраков. Ее героическая команда выкрикивала имена Бородатой леди, своих любимых и даже языческих божков из далеких стран.

— *Лишь бы работало*, — подумала Мисс Фортуна.

Рафен опустился на колено, лицо его посерело, он дышал тяжело, как портовая проститутка после долгой смены. Обрывки тумана висели на нем, как паутина, а тлевший корень у него на шее горел яростным вишнево-красным светом.

— Вставай, битва еще не окончена! — сказала она.

— Не учи *меня* сражаться, — огрызнулся он, поднимаясь на ноги. — Я видел больше Страховинов, чем ты — крысьих хвостов.

Прежде, чем Мисс Фортуна успела спросить, что *это* значило, он отклонился и выстрелил во что-то позади нее. Дух, напоминающий помесь волка и летучей мыши, завизжал, рассеиваясь, и Мисс Фортуна оказала Рафену ответную услугу, когда призрак, состоящий из клыков и когтей рванулся к ее помощнику.

— На землю! — крикнула она, сорвав пару осколочных бомб с ремня и бросив их в воющий туман.

Взрыв был оглушительным. Щепки и осколки камня разлетелись во все стороны. Разбитое стекло осыпалось сверкающим острым ливнем. Едкий туман заполнил площадь, но то был рукотворный туман, совершенно лишенный призраков.

Рафен потряс головой и поковырял пальцем в ухе.

— Какая у нее начинка?

— Черный порох, смешанный с копаловой камедью и рутой, — ответила Мисс Фортуна. — Из моих особых запасов.

— И оно работает против мертвецов?

— Моя мама всегда говорила, что да.

— Для меня вполне достаточно, — сказал Рафен. — Знаешь, кажется, у нас получилось...

— Не сглазь, — предупредила Мисс Фортуна.

Клочья тумана стали соединяться друг с другом на площади, постепенно приобретая очертания монстров; формы со сросшимися ногами, зубастыми челюстями, руками, которые заканчивались крюками или клешнями... Те самые духи, которых они только что убили.

Переродившиеся и обновленные.

Что там говорят по поводу планов и смеха богов?

— Выходит, их не так-то просто убить, — произнесла Мисс Фортуна, стараясь не показать, как ей страшно.

Как же она была наивна, думая, что жалких побрякушек и слепой веры достаточно, чтобы выстоять против духов мертвых. Она хотела показать людям Билджвотера, что им не нужен был Гангпланк, что они могут сами построить свою судьбу.

Вместо этого ее сейчас убьют, а город сравняют с землей.

Низкий рокот прокатился по площади. И еще раз.

Раскаты грома доносились из надвигающейся бури.

Они напоминали удары молота по наковальне и становились все быстрее и громче, пока земля не начала трястись от их ярости.

— Во имя бездны, *это* что такое? — воскликнул Рафен.

— Не знаю, — ответила Мисс Фортуна, когда в тумане показались очертания призрачного рыцаря в черном доспехе, оседлавшего странно сложенного боевого коня. Шлем всадника напоминал голову демона.

— Темный рыцарь, — сказала Мисс Фортуна.

Рафен покачал головой, его лицо резко побледнело.

— Это не рыцарь, — проговорил он. — Это Призрак войны...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Истребитель скверны

Город мертвых

Убежище

- I -

Волна ужаса прокатилась по отряду Мисс Фортуны при упоминании этого кошмарного существа, воплощающего ярость убийства и бесконечную злобу.

Призрак войны.

Когда-то его звали Гекарим, но никто не знает, правда это или вымысел какого-то древнего сказителя. Лишь дураки осмеливались вспоминать эту темную легенду у костра, да и то, только после порции рома, в которой можно утопить ноксианский боевой корабль.

Когда Призрак войны показался из тумана, Мисс Фортуна смогла разглядеть, что это был не совсем всадник. Ее объял леденящий ужас.

Наверное, когда-то Гекарим был рыцарем, и тогда человек и конь были отдельными сущностями, но теперь наездник и животное стали единым целым, гигантским чудовищем, единственным предназначением которого было разрушение.

— Мы окружены, — сказал кто-то.

Мисс Фортуна рискнула отвести взгляд от вооруженного кентавра. Целая армия призрачных рыцарей стояла вокруг, их очертания светились призрачным зеленым сиянием. Они подняли копья и обнажили мечи, излучающие тьму. Гекарим отвел ужаснужасную крюкастую глефу, чье смертоносное острие извергало зеленый огонь.

— А ты знаешь какие-нибудь секретные *выходы* отсюда? — спросил Рафен.

— Нет, — ответила Мисс Фортуна. — Я хочу разделаться с этим ублюдком.

— Ты *хочешь* сразиться с Призраком войны?

Но прежде чем Мисс Фортуна успела ответить, фигура в капюшоне спрыгнула с крыши амбара на площадь. Незнакомец изящно приземлился, полы поношенного кожаного плаща хлестнули по воздуху. У него было два пистолета, но они сильно отличались от всех тех, которые Мисс Фортуна видела на оружейном столе своей матери: блестящий металл, обвивший резной камень.

Свет, заливший площадь, когда он выпустил огненные стрелы из обоих пистолетов, был таким ярким, что посрамил бы и пожар, потопивший «Тихий омут». Мужчина крутанулся, уничтожая одну цель за другой с небывалой скоростью. Туман горел в тех местах, куда попадали его выстрелы, призраки визжали, пожираемые огнем.

Туман отхлынул от площади Карманников, забрав и Гекарима, и других мертвых рыцарей. Что-то подсказало Мисс Фортуне, что это лишь временная передышка.

Незнакомец убрал пистолеты, посмотрел на Мисс Фортуну и откинул капюшон, открывая смуглое красивое лицо с горящими глазами.

— С теньями легко справиться, — сказал он. — Направь на них свет, и они исчезнут.

- II -

Олафа не сильно радовала такая судьба.

Он надеялся, что люди будут вспоминать о его эпическом сражении с кракензмеем, а не об этой жалкой попытке умереть.

Он надеялся, что кто-нибудь видел, как он напал на морское чудовище.

Молился, чтобы хоть один свидетель успел разглядеть, как призрачное щупальце подняло его в воздух, и сбежал, не увидев, что Олафа отбросили, как дешевую безделушку.

Олаф пробил крышу прильнувшего к скале строения. Может быть, это остов корабля? Все произошло слишком быстро, и он не успел разглядеть. Деревянные обломки и осколки глиняной посуды стремительно падали вместе с ним. Он удивленно пытался что-нибудь рассмотреть, кричащие лица проносились мимо.

Олаф пробил пол. Поддерживающая балка выбила из него дух, он продолжил катиться вниз по склону. Отскочил от каменного выступа, влетел вперед головой в очередное окно, снова проломил пол.

Падение сопровождалось громкими проклятиями.

Наконец Олаф рухнул в море из веревок и шкивов, флагов и знамен. Во время падения он ударялся обо все, обо что только можно было удариться, путался в канатах... Должно быть, судьба издевается над ним и решила похоронить его в саване из парусины.

— Ну не так же, черт побери! — зарычал он. — Не так!

- III -

— Кто ты, и где я могу достать парочку таких же пистолетов? — спросила Мисс Фортуна, протягивая руку новоприбывшему.

— Меня зовут Люциан, — ответил он, настороженно пожимая ей руку.

— Чертовски рад знакомству, приятель, — сказал Рафен, похлопав его по плечу как старого товарища по корабельной команде. Мисс Фортуна заметила, что фамильярность Рафена заставила Люциана чувствовать себя довольно неуютно, словно тот давно не имел дела с людьми.

Он внимательно следил за каждым углом площади, пальцы постукивали по рукояткам пистолетов.

— Мы рады тебе, Люциан, — сказала Мисс Фортуна.

— Пора идти, — произнес он. — Призрак войны вернется.

— Он прав, — сказал Рафен, умоляюще посмотрев на нее. — Пора укрыться где-нибудь внутри и задраить люки.

— Нет. Мы пришли сражаться.

— Послушай, Сара, я понимаю. Мы отбили Билджвотер, и тебе нужно драться, чтобы удержать его, чтобы показать всем, что ты лучше Гангпланка. Так вот, ты это уже сделала. Мы вошли в черный туман и сражались с мертвыми. Это больше, чем он когда-либо делал. Любой, кто рискнет выглянуть из окна, узнает об этом. Черт подери, да даже те, кто не рискнет, все равно узнают. Чего еще ты хочешь?

— Драться за Билджвотер.

— Есть разница между «драться за Билджвотер» и «умирать за Билджвотер», — ответил Рафен. — Я всеми руками за первое, но не за второе. Эти мужчины и женщины отправились за тобой в ад, но теперь пора возвращаться.

Мисс Фортуна посмотрела на своих бойцов, на своих потрепанных головорезов. Любой из них продал бы родную мать за звонкую монету, но они были готовы сделать все, что она попросит, и даже больше. Никто из них в жизни не совершал более храброго поступка, чем сегодня, и она не могла обречь их на верную гибель только ради собственной мести.

— Ты прав, — вздохнула она. — Здесь все кончено.

— Тогда пусть удача сопутствует вам, — сказал Люциан, разворачиваясь и снова доставая свои необычные пистолеты.

— Стой, — произнесла Мисс Фортуна. — Пойдем с нами.

Люциан покачал головой: «Нет, мне нужно уничтожить одного призрака. Того, которого называют Трешем. Стража цепей. Я задолжал ему смерть».

Мисс Фортуна увидела, что морщины вокруг глаз Люциана стали глубже, и узнала маску, какую и сама носила с тех пор, как ее мать убили.

— Он забрал у тебя кого-то, не так ли? — спросила она.

Люциан медленно кивнул и ничего не сказал, но само его молчание говорило красноречивее всяких слов.

— Очевидно, для тебя это не первая драка с мертвыми, — произнесла Мисс Фортуна, — но ты не переживешь эту ночь, если останешься здесь один. Полагаю, это не так важно

для тебя, но тот, кого Треш забрал у тебя, — кто бы это ни был — вряд ли бы хотел, чтобы ты погиб сегодня.

Взгляд Люциана скользнул вниз, и Мисс Фортуна заметила серебряный медальон у него на шее. Она не могла сказать с уверенностью, были это проделки ее воображения или воздействие тумана, но медальон мерцал в лунном свете.

— Пойдем с нами, — сказала Мисс Фортуна. — Найдем убежище до утра, чтобы ты продолжил жить ради своей цели.

— Убежище? В *этом* городе? — спросил Люциан.

— Я знаю одно местечко, — ответила Мисс Фортуна.

- IV -

Они покинули площадь Карманников и направились вверх к мосту Змея, где обнаружили фрельордца. Тот болтался на кривой перекладине словно обернутый в саван труп на виселице. Впрочем, в отличие от большинства трупов он извивался, как рыба на удочке.

Вокруг него валялась куча обломков и щепок, и Мисс Фортуна посмотрела наверх, чтобы определить, с какой высоты он свалился и сколько пролетел через жилища на склоне скалы.

Падал он, очевидно, очень долго, и то, что он выжил, можно было назвать только чудом.

Люциан поднял пистолеты, но она покачала головой.

— Нет, этот, похоже, по правильную сторону могилы.

Из кокона раздавались сдавленные крики; слова, за которые в большинстве других стран избили бы до смерти, звучали с выраженным фрельордским акцентом.

Мисс Фортуна приложила острие меча к парусине и прорезала ее вниз. Огромный бородатый мужик вывалился на мостовую, как новорожденный белек из плодной оболочки. От него крепко несло рыбьими потрохами и мусором.

Пошатываясь, он поднялся на ноги и взмахнул топором, лезвие которого было похоже на осколок алмазного льда.

— В какую сторону к Кровавым докам? — спросил фрельйордец, качаясь, как пьяный. Он осмотрелся в замешательстве, вся голова покрыта синяками и шишками.

— Я бы рекомендовала тебе идти по запаху, — ответила Мисс Фортуна, — но удивлюсь, если ты еще можешь его различить.

— Я убью этого кракензмея еще десять раз, если потребуется, — прорычал мужчина. — Я задолжал ему смерть.

— Где-то я это уже слышала.

- V -

Фрельйордец назвался Олафом, воином повелительницы льдов. Придя в себя, он выразил желание присоединиться к отряду до тех пор, пока он не сможет подраться с самым опасным духом из черного тумана.

— Ты умереть хочешь? — спросил его Люциан.

— Ну конечно, — ответил Олаф таким тоном, как будто вопрос был верхом человеческой глупости. — Я ищу конца, о котором сложат легенды.

Мисс Фортуна оставила безумца наедине с его мечтами о смерти. Для него всегда будет место в боевом отряде, пока он помнит, в какую сторону махать топором.

Три раза туман настигал их, и каждый раз он забирал с собой одну душу. Злобный смех отражался эхом от зданий; звук был похож на скрежет точильного камня по ржавой стали. С крыш каркали птицы-падальщики, засевшие в ожидании мясного пира при луне. Во тьме тумана танцевали приветливые огоньки, похожие на болотные, которые подстерегают незадачливых путников в зыбких топях.

— Не смотрите на них, — предупредил Люциан.

Но предупреждение прозвучало слишком поздно для одной пары. Мисс Фортуна не знала их имен, но знала, что меньше года назад лихорадка унесла их сына. Они шагнули с утеса в пустоту, преследуя нечто, видимое только им.

Другой человек вспорол себе глотку своей же рукой-крюком раньше, чем его товарищи смогли его остановить. Еще один просто растворился в тумане, и никто не видел, куда он делся.

К тому моменту, когда они дошли до моста Змея, от их компании осталось меньше дюжины человек. Мисс Фортуне не было их жаль, она предупреждала, что не стоит идти за ней. Если они хотели жить вечно, могли бы спрятаться за закрытыми дверями и волшебной защитной резьбой, зажав в руках спиральные талисманы Бородатой леди и молясь всему подряд, лишь бы успокоиться.

Хотя во время Страховина ничто не могло гарантировать безопасность.

Они проходили мимо бесчисленных домов с раскуроченными ставнями и дверями, висящими на петлях. Мисс Фортуна старалась смотреть только вперед, но невозможно было не чувствовать осуждающие взгляды замерзших лиц внутри и не представлять себе ужас их последних секунд.

— Черный туман собирает дань, — сказал Рафен, когда они миновали еще один дом, превратившийся в фамильный склеп.

Она хотела разозлиться на то, что он вот так просто принял ужас происходящего, но ради чего? В конце концов, он был прав.

Вместо этого она сосредоточилась на мгlistых очертаниях строения на другой стороне моста. Оно возвышалось над центром кратера, который наводил на мысли о том, что какое-то мощное морское чудовище отхватило кусок от скалы. Как и большая часть Билджвотера, оно было построено из того, что принес океан: стены сложены из прибитых к берегу бревен и веток, окна позаимствованы у остатков кораблей, поднятых волнами со дна морского. У постройки была занятная характерная черта — полное отсутствие прямых линий. Из-за невероятных углов она казалась подвижной — как будто в один прекрасный день могла сняться с места и уйти.

Шпиль сооружения был изогнутым и ребристым как рог нарвала, на верхушке — такой же спиральный символ, что и на шее Мисс Фортуны. Вокруг знака разливалось мерцающее сияние, и тьма в этих местах отступала.

— Что это за место? — спросил Люциан.

— Храм Бородатой леди, — сказала она. — Дом Нагакейборос.

— Здесь безопасно?

— Лучше, чем снаружи.

Люциан кивнул, и они двинулись по извилистому мосту. Как и храм, к которому они приближались, мост не имел прямых линий, его поверхность извивалась под ногами, словно он был чем-то живым.

Рафен притормозил у осыпающегося парапета и посмотрел вниз.

— С каждым годом все выше, — произнес он.

Мисс Фортуна неохотно подошла к нему и заглянула за край.

Доки и Крысятник внизу тонули в черном тумане, и даже кораблей не было видно возле пристани. Билджвотер задыхался в мертвой хватке тумана, проникающего все глубже и глубже в город. Наверх доносились крики ужаса: жизни обрывались, и новые души присоединялись к легиону мертвых.

Рафен пожал плечами: «Через несколько лет в Билджвотере не останется недостижимого места».

— За несколько лет много чего может произойти, — сказала Мисс Фортуна.

— И такое происходит каждый год? — спросил Олаф, поставив одну ногу на парапет, пренебрегая опасностью свалиться с высоты.

Мисс Фортуна кивнула.

— Чудесно, — произнес фрельйордец. — Если мне не суждено умереть сегодня ночью, я еще вернусь сюда, когда черный туман снова нахлынет.

— Так ты точно умрешь, — ответил Рафен.

— Спасибо, — сказал Олаф, хлопнув своей огромной ладонью по плечу Рафена так, что тот чуть не свалился с моста. Глаза фрельйордца широко раскрылись, когда

призрачное щупальце выросло из тумана, раскручиваясь перед тем, как обрушиться на жилища в Крысятнике.

— Вот он! — завопил он.

И прежде, чем кто-либо успел его остановить, перепрыгнул через парапет и кинулся в пропасть.

— Сумасшедший придурок, — сказал Рафен, когда стремительно уменьшающаяся фигура Олафа скрылась в тумане внизу.

— Все обитатели льдов чокнутые, — ответила Мисс Фортуна. — Но этот — что-то особенное.

— Прикажи всем идти внутрь, — произнес Люциан.

В его голосе звучала настойчивость, Мисс Фортуна оглянулась и увидела, что над Люцианом возвышается фигура в шитом черном одеянии, обвешанная цепями. Тошнотворно-зеленый свет окружил призрака, когда он поднял покачивающийся фонарь своей бледной рукой. Страх охватил Мисс Фортуну. Такого страха она не помнила со дня смерти матери, когда она смотрела в дуло пистолета убийцы.

Люциан достал свои пистолеты.

— Треш мой!

— Забирай, — сказала она и обернулась. Ее взгляд скользнул вверх, где тени сомкнулись над храмом. Дыхание застряло у нее в глотке, когда она увидела Гекарима и его мертвых рыцарей на краю впадины.

Призрак войны поднял свою пылающую глефу, призрачные всадники пришпорили своих адских коней и поскакали вниз. Ни один смертный не смог бы сделать ничего подобного, но то были всадники смерти.

— Бежим! — закричала Мисс Фортуна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Она не умерла
Неожиданные союзники
Снова в деле*

- I -

Конец моста окутало ядовито-зеленое свечение. Череп Стража цепей был скрыт капюшоном, но свет его фонаря подсвечивал остатки гниющей плоти, равнодушной ко всему, кроме садистского наслаждения.

Он двигался мягко, как и все ему подобные; при движении из-под его одежда раздавались вопли страдания. Треш слегка поднял голову, и Люциан увидел блеск слишком острых зубов, обнаженных в улыбке предвкушения.

— Смертный, — произнес Треш. Он перекатывал это слово во рту словно леденец.

Люциан опустился на колени, читая мантру ясности, чтобы укрепить свою душу для предстоящей битвы. Он готовился к этому моменту тысячи раз, но теперь, когда он наконец настал, рот был сух, а ладони стали липкими от пота.

— Ты убил Сенну, — сказал он, встав и подняв голову. — Единственную, кто оставался у меня на всем белом свете.

— Сенну?.. — переспросил Треш с таким влажным и булькающим звуком, словно бы слово выдавили из глотки, раздавленной петлей на виселице.

— Мою жену, — сказал Люциан, понимая, что он не должен говорить, что каждое его слово призрак повернет против него же. Слезы затмили его зрение, горе размывало все

приготовления и все остатки логики. Он поднял серебряный медальон на груди и открыл его, ему нужно было, чтобы призрак понял всю глубину его утраты.

Треш ухмыльнулся, его острые зубы заблестели, он постучал пожелтевшим ногтем по стеклу фонаря.

— Я помню ее, — произнес призрак. — Такая живая душа. Еще не испорченная, не остывшая. Созрела для пыток. Надежда на новую жизнь буквально цвела в ней. Свежая, чистая, как весенний цветок. Тех, кто мечтает, так легко сорвать и уничтожить.

Люциан вскинул пистолеты.

— Если ты помнишь ее, то вспомнишь и их, — сказал он.

Зубастая ухмылка под капюшоном ни на секунду не изменилась.

— Оружие света, — сказал Треш.

— А свет всегда был и будет проклятием тьмы, — добавил Люциан, направляя всю свою ненависть в пистолеты.

— Подожди, — сказал Треш, но с Люциана было достаточно ожидания.

Он сделал пару ослепляющих выстрелов.

Яркий очищающий огонь охватил Стража цепей, его вопли были будто музыка для Люциана.

Затем вопли сменились булькающим хохотом.

Темное свечение вокруг Треша угасло, утекло назад в фонарь; огонь не причинил ему никакого вреда.

Люциан снова выстрелил. Град сияющих пуль, каждая идеально нацелена — и все впустую. Они растворялись в мерцающей тьме энергии, исходившей от фонаря.

— О да, я помню их, — произнес дух. — Я вырвал их секрет из ее разума.

Люциан замер.

— Что ты сказал?

Треш хрипло рассмеялся.

— Ты не знаешь? Несмотря на все то, что новый орден выяснил обо мне, ты даже не догадывался?

Люциан ощутил леденящий ужас в животе. Ужас, в существовании которого он боялся себе признаться, иначе сошел бы с ума.

— Она не умерла, — продолжил Треш, поднимая свой фонарь.

Люциан увидел страдающих и извивающихся духов в его глубине.

Треш оскалился:

— Я вырвал ее душу и сохранил ее.

— Нет... — проговорил Люциан. — Я видел, как она умерла.

— Она все еще кричит в моем фонаре, — сказал Треш, приближаясь все ближе с каждым выдавленным словом. — Каждый момент ее существования — это сладкая агония. Прислушайся... Слышишь ее?..

— Нет, — всхлипнул Люциан. Его древние пистолеты с грохотом упали на камни моста.

Треш кружил вокруг него; цепи, змеясь, спускались с его ремня и обвивали тело Люциана. Крюки пробивались сквозь плащ в поисках мягкой плоти под ним.

— Надежда была ее слабостью. А любовь — погибелью.

Люциан взглянул на изуродованные черты Треша.

Его глаза — бездны, темные дыры, ведущие в никуда.

Чем бы ни был Треш при жизни, от этого ничего не осталось. Ни сострадания, ни милосердия, ни человечности.

— Все, что есть, — это смерть и страдание, смертный, — произнес Страж цепей, добравшись до шеи Люциана. — Неважно, куда ты бежишь, твое единственное истинное будущее — это смерть. Но перед ней еще есть я.

- II -

Дыхание будто застревало в горле Мисс Фортуны, пока она бежала к храму. Ее легкие боролись за каждый вдох, кровь в венах стыла и текла медленнее. Витки вытягивающего силу тумана подбирались к основанию храма, привлеченные присутствием двух

повелителей нежити. Позади нее полыхали алмазные огни, но она не оглаживалась. Она слышала стук копыт по камням, видела искры в темноте.

Ей чудилось, что призрачные кони дышат ей в затылок.

Между лопатками горело — там, где она ожидала ощутить колющий удар призрачной пики.

Стоп, а откуда берутся искры, если они призраки?

Абсурдность этой мысли заставила ее засмеяться, и она продолжала смеяться, даже когда достигла кривых деревянных дверей храма. Рафен и ее потрепанная банда уже были там, молотя кулаками и ладонями по двери.

— Во имя Бородатой леди, откройте! — орал он.

Он поднял взгляд, когда Мисс Фортуна присоединилась к ним.

— Двери заперты, — сказал он.

— Я заметила, — шепнула она, снимая подвеску, которую дала ей Иллаой. Она положила ладонь на дверь, крепко прижав коралл к дереву.

— Иллаой! — закричала она. — Я готова оторвать голову этой чертовой мурене. А теперь открой эту хренову дверь!

— Мурена? — переспросил Рафен. — Какая мурена? Ты о чем?

— Неважно, — отрезала она, молотя ладонью по дереву. — Мне кажется, это была метафора.

Дверь отворилась, как будто все это время она и не была заперта. Мисс Фортуна отступила, позволяя бойцам зайти внутрь, и наконец обернулась.

Гекарим встал на дыбы, своей пылающей глефой он метил ей в голову.

Неизвестно откуда появившаяся рука схватила ее за воротник и дернула назад. Острое оружие прошло в сантиметре от ее глотки.

Она тяжело рухнула на спину.

Иллаой стояла в проходе, у нее в руках был каменный идол, которого она держала, как щит. Белый светящийся туман клубился вокруг него.

— Мертвым здесь не место, — сказала она.

Рафен и остальные навалились на дверь, захлопнули ее и сбросили тяжелый брус из мореного дуба на ржавые крепления по обеим ее сторонам. Дверь тряхнуло от мощного удара.

Дерево треснуло, полетели щепки.

Иллаой развернулась и прошла мимо Мисс Фортуны, которая все еще лежала, распластавшись на мозаичном полу, оформленному ракушками и кусочками глины.

— Не спешила ты, девочка, — произнесла жрица, когда Мисс Фортуна поднялась на ноги. В храме было сотни две человек, не меньше. Здесь можно было увидеть обитателей Билджвотера всех сортов: местные, пираты, торговцы, разношерстные моряки и путешественники — или невезучие, или просто глупые настолько, чтобы искать пристанища в Билджвотере во время Страховина.

— Эта дверь выдержит?

— Может, да. А может, нет, — ответила Иллаой, направляясь к статуе со множеством щупалец в центре храма. Мисс Фортуна попыталась понять смысл этих слов, но у нее ничего не получилось, возможно, потому, что ее взгляд все время цеплялся за спирали и петляющие волны.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет, — сказала Иллаой. Она поставила идола в углубление в статуе, после чего начала ходить вокруг нее, отбивая кулаками ритм на своих бедрах и груди. Люди в храме последовали ее примеру, они били ладонями по голой коже, топали ногами и произносили слова на языке, которого Мисс Фортуна не знала.

— Что они делают?

— Возвращают миру движение, — ответила Иллаой. — Но нам нужно время.

— Оно у вас будет, — пообещала Мисс Фортуна.

- III -

Люциан ощутил, как призрачные крюки впиваются глубоко в его плоть. Холоднее, чем северный лед, и намного больнее. Пальцы Стража цепей сомкнулись на его горле, кожа горела от прикосновения призрака. Он чувствовал, как силы покидают его, а биение сердца замедляется.

Треш поднял его и поднес к свой фонарь, готовясь забрать душу. Страдающие огни внутри закружились от возбуждения, призрачные лица и ладони надавили на стекло изнутри.

— Долго я искал твою душу, охотник за тенями, — произнес Треш. — Но только теперь она готова к жатве.

Зрение начало подводить Люциана, все вокруг будто выцвело; он чувствовал, как его душу отдирают от костей. Он боролся, пытался держаться, но Страж цепей занимался этим уже бесконечно долго и знал свое ремесло лучше, чем кто бы то ни было.

— Борись сильнее, — сказал Треш, не скрывая удовольствия. — Твоя душа горит ярче, когда ты сражаешься.

Люциан попытался что-то сказать, но слова не шли, вместо них — только легкое дыхание, в котором теплилась его душа.

Сверкающая коса зависла в воздухе над Люцианом — пропитанная смертью собирательница душ. Ее лезвие дрожало от предвкушения.

Люциан...

Тот самый голос. *Ее* голос.

Любовь моя...

Смертоносное лезвие Треша развернулось под углом, наиболее удобным для того, чтобы отделить душу от плоти.

Дыхание Люциана перехватило, когда он увидел лицо, показавшееся в стекле фонаря. Одна из тысяч и тысяч, та самая, у кого было больше всего причин пробиться вперед.

Полные губы, большие глаза, умоляющие его *жить*.

— Сенна... — выдавил Люциан.

Позволь мне быть твоим щитом.

Он тут же понял, что она имела в виду.

Связь между ними была настолько же сильной, как тогда, когда они бок о бок охотились за созданиями тьмы.

Из последних сил Люциан сорвал с шеи медальон. В лунном свете цепочка блеснула серебром.

Страж цепей заметил, что что-то пошло не так, и зашипел в гневе.

Люциан был быстрее.

Он завертел цепью, как пращой, но, вместо того чтобы выпустить снаряд, он позволил ей обмотаться вокруг руки, держащей фонарь. И прежде чем Треш успел ее стряхнуть, он вытащил из ножен под полой плаща серебряный клинок и погрузил его в запястье призрака.

Страж цепей завизжал от боли, какой не чувствовал уже целую вечность. Он бросил Люциана и забился в агонии, а мириады душ, заточенных в его фонаре, вдруг обнаружили, что у них есть возможность отомстить своему мучителю.

Люциан почувствовал, как душа вернулась в тело, и глотнул воздух, как утопленник, которому удалось добраться до поверхности.

Поспеш, любимый. Он слишком силен...

Зрение вернулось, оно было острее, чем когда-либо. Люциан подхватил пистолеты с земли. На короткий миг он увидел лицо Сенны в фонаре, и оно навсегда отпечаталось в его сердце.

Никогда больше ее лицо не померкнет в его памяти.

— Треш, — произнес он, прицеливаясь из пистолетов.

Страж цепей посмотрел вверх, бездны его глаз пылали злобой на восставшие против него плененные души. Он выдержал взгляд Люциана и заслонился фонарем, но мятежные души больше не давали никакой защиты.

Люциан сделал серию сверкающих, идеально точных выстрелов.

Они прожигали призрачные одежды Стража цепей, испепеляли его призрачную суть ярчайшим пламенем. Люциан шагал вперед к Трешу, его пистолеты сверкали.

Содрогаясь от ужасной боли, Страж цепей попытался укрыться от непрекращающегося огня Люциана; его призрачное тело больше не могло сопротивляться древнему оружию.

— Смерть пришла за тобой, — произнес Люциан. — Прими ее и будь спокоен: я позабочусь, чтобы она была окончательной.

Взвыв в последний раз, Треш соскользнул с моста, его тело падало на город внизу словно пылающая комета.

Люциан наблюдал за падением до тех пор, пока черный туман не поглотил Стража цепей.

Потом упал на колени.

— Спасибо, любовь моя, — прошептал Люциан. — Свет мой.

- IV -

Стены храма едва удерживали нападавших. Черный туман просачивался между плохо пригнанными досками и сквозь щели в окнах. Дверь дергало во все стороны. Цепкие клыки тумана вгрызались в дерево. Крики отражались эхом, а воющая вьюга трепала грубое покрытие крыши.

— Туда! — закричала Мисс Фортуна, когда стая туманных существ с горящими красными глазами прорвалась сквозь разрушенную часть стены, которая прежде была чайными ящиками из Ионии.

Она прыгнула в самую гущу призраков. Все равно что прыгнуть в прорубь во Фрельйорде. Даже легчайшее прикосновение мертвого высасывало тепло и жизнь.

Коралловая подвеска раскалилась и обжигала кожу.

Мисс Фортуна прорубала своим трофейным мечом путь сквозь толпы призрачных врагов, и снова она чувствовала то странное ощущение. Может, ее пули и были

бесполезны против мертвых, но демасийский клинок ранил их. Они откатывались прочь, визжа и шипя.

Могут ли мертвые бояться?

Похоже, что да, ибо они избегали сверкающего лезвия. Но она их не отпускала, она колола и рубила туман, где бы он ни показался.

— Пора! Бежим! — крикнула она.

Заплакал ребенок, и Мисс Фортуна бросилась наперерез туману, который пытался окутать его. Она нырнула и схватила мальчика, а потом откатилась в сторону. Ледяные когти впились ей в спину, и Мисс Фортуна с шумом выдохнула от того, что по конечностям разлился леденящий холод.

Она ткнула мечом назад. Раздался чей-то мертвенный вой.

Женщина, прятавшаяся за перевернутой скамейкой, протянула руки к ребенку, и Мисс Фортуна помогла ему протиснуться в безопасное место. Когда она поднялась на ноги, слабость начала расползаться по телу, словно зараза.

Повсюду раздавались выстрелы и звуки ударов стали о сталь, завывания мертвецов и вопли ужаса.

— Сара! — крикнул Рафен.

Она обернулась и увидела, что запирающий дверь засов треснул по всей длине. Рафен и еще дюжина мужчин упирались спинами, чтобы сдержать атаку, но дверь вдавливалось внутрь. Черный туман сочился сквозь покрывшие ее трещины. Одного человека прижало к двери, и его жалостливые вопли резко оборвались, когда он вдруг растворился в тумане.

Другому оторвало руку, когда он пытался помочь первому.

Рафен развернулся и вколотил свой кинжал в щель.

Когтистые лапы вырвали бесполезное оружие из его руки.

Воющее тело пролезло внутрь сквозь разваливающуюся дверь и запустило руки в грудь Рафена. Помощник Мисс Фортуны закричал от боли, лицо его побелело.

Она подскочила к нему с такой скоростью, как будто у нее открылось второе дыхание. Ее меч разрубил призрачные руки, и существо с визгом исчезло. Рафен упал на нее, и они вместе откатились в сторону нефа.

Рафен тяжело дышал, они оба были измождены.

— Не смей умирать, Рафен! — прохрипела она.

— Чтобы убить меня нужно больше, чем какой-то мертвец, — осклабился он. — Ублюдок меня только вымотал.

Где-то наверху разбилось стекло. Над головой клубился черный туман, бурлящая масса клацающих зубов, клыков и голодных глаз.

Мисс Фортуна попыталась подняться на ноги, но они горели от изнеможения. Она заскрежетала зубами от злости и разочарования. От ее отряда осталась горстка людей, а среди тех, кто прятался в укрытии, воинов не было.

Мертвые прорывались.

Мисс Фортуна оглянулась на Иллаой.

Жрицу окружали ее люди, все они были заняты своим странным ритуалом с битьем кулаками и хлопаньем в ладоши. И не похоже было, что у них что-то получалось. Необычная статуя не проявляла никаких признаков жизни или пробуждающейся мощи.

Чего она ждет? Что статуя оживет и отбросит мертвецов назад словно бряцающий железный голем из Пилтовера?

— Что бы вы ни делали, поторопитесь! — прокричала она.

Часть крыши сорвало, обломки закружились вихрем вокруг храма. Призраки ворвались внутрь и пронеслись как торнадо. Духи и другие существа, не поддающиеся описанию или пониманию, отделились от урагана нежити и обрушились на живых.

Наконец дверь поддалась и разлетелась щепками внутрь, дерево высыхало и рассыпалось при прикосновении призраков. Заревел охотничий горн, звук затопил храм, и Мисс Фортуна закрыла руками уши, спасаясь от оглушительного эха.

Гекарим въехал в храм, дав тех, кто удерживал дверь своими телами. Пылающая глефа Призрака войны втянула их души, и холодный огонь острия осветил храм блеском

ненависти. Его рыцари смерти ехали следом, а те духи, что были уже внутри храма, подались назад, приветствуя ужасающее величие Гекарима.

— Я сказала: мертвым здесь не место, — прогремела Иллаой.

Мисс Фортуна оглянулась и увидела, что жрица нависает над ней, отважная и величественная. Бледный свет цеплялся за ее руки и отражался от каменной таблички, которую она держала в дрожащих руках. Вены у нее на шее вспухли, как стальные тросы, челюсти были сжаты так, что зубы скрипели от напряжения, пот ручьями тек по лицу.

Что бы Иллаой ни делала, это стоило ей больших усилий.

— Эти смертные принадлежат мне, — сказал Гекарим, и голос его отозвался в Мисс Фортуне дрожью.

— Не принадлежат, — ответила Иллаой. — Это дом Нагакейборос, она противостоит смерти.

— Мертвые заберут свое, — произнес Гекарим, нацелив глефу в сердце Иллаой.

Жрица покачала головой.

— Не сегодня, — ответила она. — Этого не случится, пока я жива.

— Тебе не остановить меня.

— Не только мертвый, но и глухой, — ухмыльнулась Иллаой, за ее спиной нарастало свечение. — Я же не сказала, что я буду тебя останавливать.

Мисс Фортуна обернулась и увидела, что спиральная статуя купалась в ослепляющем сиянии. Белый свет будто клубился над ее поверхностью, и тени разлетались от его прикосновений. Мисс Фортуна прикрыла глаза рукой, когда свет хлынул вперед, подобно извивающимся щупальцам разрывая черный туман и делая зримыми измученные души внутри. Кольшущийся свет притягивал мертвых, снимая те гибельные чары, которые обрекли их на бессмертие и призрачное бытие.

Мисс Фортуна ожидала услышать крики, но вместо этого освобожденные мертвецы плакали от радости, ведь их души получили свободу. Свет распространялся вдоль потрескавшихся стен храма. Когда он прикоснулся к ней, Мисс Фортуна вскрикнула, мертвенное оцепенение внутри нее сменилось теплом и жизнью.

Свет Нагакейборос приблизился к Гекариму. Мисс Фортуна увидела его страх перед тем, что с ним может произойти.

Что может быть страшнее вечного проклятия?

— Ты можешь освободиться, Гекарим, — сказала Иллаой, ее голос звенел от предельного напряжения. — Ты можешь продолжить жить, жить в свете, быть тем человеком, каким ты мечтал стать до того, как *его* горе и безумие изменили тебя.

Гекарим зарычал и ткнул глефой в сторону шеи Иллаой.

Клинок Мисс Фортуны прервал это движение, вспыхнули искры. Она покачала головой.

— Убирайся из моего города, — произнесла она.

Клинок Гекарима взлетел перед очередным ударом, но прежде, чем он опустился, свет наконец прорезал покров тьмы вокруг Призрака войны. Тот заревел от боли и отшатнулся от обжигающего прикосновения. Очертания темного всадника зарябили, словно две тени от двух свечей направили на один и тот же занавес.

Мисс Фортуна мельком увидела высокого всадника, облаченного в серебро и золото. Красивого и гордого юношу с темными глазами и славным будущим впереди.

Что с ним случилось?

Гекарим заревел и галопом помчался прочь из храма.

Его мертвые рыцари, сама тьма и пронзительно вопящий поток изодранных призраков последовали за ним.

- V -

Свет Нагакейборос залил Билджвотер, будто наступил рассвет. Видевшие его не могли припомнить ничего столь же прекрасного; он был как первые лучи солнечного света после бури, как первое тепло после суровой зимы.

Черный туман отступал перед ним, образовав бурлящий водоворот паникующих духов. Мертвые с остервенением бросались друг на друга: некоторые пытались вернуться в бездну, из которой их вызвали, другие же искали спасения в свете.

Наконец черный туман отступил назад в океан, назад к проклятым островам, которые были его царством. Наступила тишина.

Настоящий рассвет загорелся на востоке, и с первым порывом очищающего ветра, пролетевшим через весь город, люди Билджвотера одновременно вздохнули.

Страховин был позади.

- VI -

В храме не было слышно ни звука. Наступившая тишина резко контрастировала с хаосом, который был здесь всего несколько минут назад.

— Кончено, — сказала Мисс Фортуна.

— До следующего раза, — утомленно произнесла Иллаой. — Черный туман ненасытен.

— Что ты сделала?

— Только то, что должна была.

— В любом случае спасибо тебе.

Иллаой покачала головой и положила мощную руку на плечо Мисс Фортуны.

— Поблагодари богиню, — сказала Иллаой. — Сделай подношение. Пусть это будет что-нибудь значительное.

— Поблагодарю, — ответила Мисс Фортуна.

— Лучше так и сделай. Моя богиня не любит пустую болтовню.

Мисс Фортуна вспыхнула из-за завуалированной угрозы, и на мгновение ей захотелось пустить жрице пулю в лоб. Но не успела она потянуться за пистолетами, как Иллаой рухнула, словно перебитая мачта. Мисс Фортуна подхватила ее, но жрица была настолько огромной, что удержать ее в одиночку было невозможно.

Вместе они упали на пол, украшенный ракушками.

— Рафен, помоги мне поднять ее, — попросила Мисс Фортуна.

Вдвоем они дотащили Иллаой до поломанной скамьи и прислонили к ней спиной, кряхтя от усилий, которые потребовались, чтобы поднять такой вес.

— Бородатая леди вышла из океана... — начал Рафен.

— Так и помрешь дураком, — выдавила Иллаой. — Я же сказала, что Нагакейборос не живет на дне морском.

— Где же она живет? — спросил Рафен. — На небесах?

Иллаой встряхнула головой и стукнула его в грудь. Рафен отшатнулся и сморщился от боли.

— Вот где ты ее найдешь.

Иллаой усмехнулась туманности своего ответа, и ее глаза закрылись.

— Она умерла? — спросил Рафен, потирая ушибленную грудь.

Иллаой приподнялась и дала ему пощечину.

А потом захрапела, как портовый грузчик с больными легкими.

- VII -

Люциан сидел на краю моста и наблюдал, как город восстает из черного тумана. Он возненавидел Билджвотер с первого взгляда, но была какая-то прелесть в том, как янтарный солнечный свет омывал бесчисленные крытые черепицей крыши.

Город возрождался. Как и всякий раз, когда Страховин отступал.

Подходящее название для такого ужасного времени, но оно ничего не говорило о событии, бывшем всему причиной. Понимал ли хоть кто-нибудь трагедию Сумрачных островов по-настоящему?

И даже если были такие, то не было ли им все равно?

Он обернулся, услышав приближающиеся шаги.

— Довольно миленько, если смотреть сверху, — сказала Мисс Фортуна.

— Только если смотреть сверху.

— Ну да, там настоящий гадюшник, — согласилась Мисс Фортуна. — Есть хорошие люди, и есть плохие, но я работаю над тем, чтобы плохих осталось как можно меньше.

— Судя по тому, что я слышал, это ты начала войну, — сказал Люциан. — Все равно что сжечь дом, чтобы избавиться от крысы.

Он увидел, как она вспыхнула, но быстро успокоилась.

— Я думала, что делаю лучше для всех, — произнесла она, оседлав парাপет, — но всем стало только хуже. И мне нужно что-то с этим делать, прямо сейчас.

— И поэтому ты была там, в черном тумане?

Женщина на мгновение задумалась.

— Может, поначалу нет, — проговорила она. — Я сняла мурену с крюка, когда убила Гангпланка, и, если я ее не схвачу и не смогу с ней совладать, она покусает еще много хороших людей.

— Мурена?

— Я имею в виду... Когда я победила Короля пиратов, я и понятия не имела, что случится дальше. И не особенно переживала по этому поводу. Но потом увидела, что творится, если нет никого, кто все контролировал бы. Город рвет собственную глотку. Билджвотеру нужны ежовые рукавицы. Почему бы мне их не примерить? Война только начинается, и она закончится быстро, только если я ее выиграю.

Повисло молчание.

— Мой ответ: нет.

— Но я ничего не спросила.

— Но собиралась, — сказал Люциан. — Ты хочешь, чтобы я остался и помог тебе выиграть в твоей войне, но я не могу. Твоя битва — это не моя битва.

— Возможно, — сказала Мисс Фортуна. — Но я гарантирую хорошую оплату, а кроме того ты убьешь много плохих людей. И спасешь множество невинных душ.

— Я должен спасти только одну, — ответил Люциан. — Но она томится не в Билджвотере.

Мисс Фортуна кивнула и протянула руку.

— Тогда прощай и хорошей охоты, — она встала и отряхнула штаны. — Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь. Однако помни, что ты можешь потерять себя в мести.

Люциан смотрел, как она возвращается к тому, что осталось от храма, как выжившие выходят наружу, моргая от солнечного света. Она думает, что понимает, что движет им, но на самом деле даже не догадывается.

Месть? О, он оставил месть позади.

Его любимую пытал бессмертный дух, древнее существо, которое чувствовало страдание как никто другой.

Мисс Фортуна не понимала и толики его боли.

Он встал и посмотрел вдаль.

Океан был спокоен — изумрудно зеленая бесконечность.

Люди уже спешили к докам, чинили корабли и заново строили свои дома. Билджвотер никогда не замирал, даже после Страховина. Он оглядел покачивающийся лес мачт, высматривая корабль, который еще мог ходить. Наверное, ему удастся убедить какого-нибудь отчаявшегося капитана доставить его туда, куда ему было нужно попасть.

— Я иду, свет мой, — сказал он. — И я освобожу тебя.

- VIII -

Рыбак рычал, пытаясь с помощью кормовой лебедки поднять огромного мужчину из воды к себе в лодку. Веревка едва не порвалась, он вспотел на холодном ветру.

— Клянусь щетиной на ее подбородке, ты здоровый ублюдок, еще какой, — выговорил он, зацепив здоровяка багром за кольчугу и притянув его к себе. Одновременно он бдитительно следил за хищниками — в воде и над водой.

Как только черный туман скрылся за горизонтом, стаи лодок вышли в море. В водах было полно всякой добычи, но тем, кто медлит, ничего не достанется.

Он первым заметил плавающего на поверхности мужика и уже отпугнул шестерых падальщиков, которые покушались на здоровяка. Будь он проклят, если шлак вроде них украдет у него его сокровище.

Здоровяк дрейфовал на своеобразной подстилке, подозрительно похожей на останки исполинского кракензмея. Щупальца его были разодраны и набухли от ядовитых газов — только благодаря им гигант удерживался на плаву вместе со всей своей броней.

Когда гигант наконец плюхнулся на палубу, рыбак уложил его вдоль борта, а после скинул тело оценивающим взглядом.

Тяжелая железная кольчуга из колец и чешуек, грубые, отделанные мехом ботинки и — что лучше всего — великолепный топор, запутавшийся в ремнях на броне великана.

— О да, я заработаю на тебе пару кракенов, радость моя, — сказал рыбак, приплясывая на палубе. — О да, верную пару кракенов!

Здоровяк закашлялся, сплевывая соленую морскую воду.

— Я что, еще жив? — спросил он.

Рыбак перестал отплясывать, его рука скользнула к длинному ножу на поясе. Обычно он вскрывал им рыбы тушки. Но ничто не мешало ему вскрыть этим же ножом чью-нибудь глотку. Не первый раз спасатель помогает кому-нибудь поскорее увидаться с Бородатой леди ради хорошей наживы.

Здоровяк открыл глаза.

— Еще раз тронешь этот нож, и я нашинкую тебя тоньше, чем того чертова кракензмея.

- КОНЕЦ -